

УДК 101.1:316;32:1

DOI: 10.37482/2687-1505-V271

МАЛЬЦЕВ Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Автор 119 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий (из них одна коллективная)*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625>

ЛОМАКО Леонид Леонидович, старший преподаватель кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Автор 43 научных публикаций, в т. ч. 3 монографий (из них одна коллективная)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9608-615X>

МАЛЬЦЕВА Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. Автор 58 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий (из них одна коллективная)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7287-3113>

ГРАНИЦА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ ИСТОЛКОВАНИЯ В ГОРИЗОНТЕ ДВУХ ПАРАДИГМ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Актуальность. Политический порядок есть пространственный порядок (К. Шмитт); глобализация как «уничтожение пространства» и «снятие времени» есть *парадигматическое* изменение представления границы; изучение способов проведения границы в двух западных парадигмах политического становится политически актуальной задачей. **Целью** статьи является демонстрация, что в парадигме «понятия политического» К. Шмитта граница полагается суверенным решением, различающим «друга–врага» и выделяющим область аномии решением суверена о чрезвычайном положении; в экономической парадигме политического (Дж. Агамбен) политическое представлено как *гомогенное, универсальное и глобальное*, «место суверена» занимает «пустое место», либеральный принцип «верховенства права» означает *абсолютное исключение* суверенного решения. **Задачи.** Во-первых, необходимо выяснение контекста, в котором вопрос о границе приобретает *смысл*; во-вторых, изучить условия возможности «решения о проведении границы» в двух западных парадигмах политического; в-третьих, выяснение *последствий* существенной невоз-

* Адрес: 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46; e-mail: maltsevaannav@mail.ru

** Адрес: 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46; e-mail: pavic69@mail.ru

*** Адрес: 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46; e-mail: parmend@bk.ru

Для цитирования: Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Граница политического пространства: опыт истолкования в горизонте двух парадигм политического // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 3. С. 138–148. DOI: 10.37482/2687-1505-V271

возможности *границы* в экономической парадигме политического. **Методология.** Сопоставительный анализ двух парадигм политического позволяет поставить вопрос о границе как основной вопрос политической онто-теологии в горизонте хайдеггеровского истолкования современности как «неспособности к смерти». **Результаты.** «Эпоха нигилизма», «пустое место» как «отсутствующий центр» политического порядка (и отсутствующий центр западной политической онтологии (С. Жижек)) и как область аномии, *необходимо представлять* как «метафизические понятия», соединяющие *реальное* и *действительное*; изучение способов *полагания* «пустого места» выявляет *смысл* границы как конститутива политического порядка и позволяет *определить* различия в *истолковании* границы в двух западных парадигмах политического; в статье выявлены *политические следствия*, обусловленные названным различием. **Вывод.** На основе проведенного анализа делается вывод: «невозможность границы» необходимо ведет к *распаду* политического порядка и *анархии* «голой жизни» (Дж. Агамбен): *действительность* лагеря и *утопия* «благой жизни» являются *не-опосредованными*, т. е. *бесформенными* в своей *фактичности*.

Ключевые слова: *граница, суверенное решение, чрезвычайное положение, область аномии, «понятие политического», экономическая парадигма политического, суверен, «пустое место», политический порядок.*

Введение

Политический порядок, по утверждению К. Шмитта, всегда в первую очередь пространственный порядок [1]; его *действительность*, как *правило*, опосредована правовой формой [2, с. 80]. Конститутивом любого *топоса* является *граница*; в шмиттовской парадигме «понятия политического» она полагается *суверенным решением* в *трех* основных значениях/аспектах: во-первых, как различение «друг–враг», выделяющих *нередуцируемую* область политического как такового [3]; во-вторых, как суверенное решение о *чрезвычайном положении* [4], *разграничивающее* область правового порядка от области аномии; в-третьих, как *граница данного* суверенного политического порядка, *отграничивающих* его от других суверенных политических порядков [1]. Все три названных случая являются именно *аспектами* одного суверенного решения, которое, по Шмитту, имеет *экзистенциальный смысл*, т. к. речь идет о *существовании* политического порядка. Однако *новоевропейское политическое представлено* в другой, *безраздельно господствующей* в *современности* парадигме. Дж. Агамбен назвал ее «экономической парадигмой политического» [5]; в ней *абсолютно исключено* суверенное решение и вопрос о *границе* последовательно

игнорируется, а политический порядок *представлен* как *гомогенный, универсальный и глобальный*. Следствием этого становится *перманентная война* без возможности мира, которая, по утверждению, например, М. Хардта и А. Негри [6], является *способом существования* глобального имперского порядка. Задача данной статьи: *поставить вопрос о границе*, – таким образом, научно и политически актуальна; названный вопрос относится к области политической онто-теологии; ответ на него может быть получен *только* в перспективе *философского истолкования*, т. е. целью будет достижение того, что К. Шмитт называл «метафизическим понятием» [7], или *мифом*.

Материалы и методы

В перспективе «вопроса о границе» *началом*, определившим последующий ход рассуждений, является первое в европейской мысли различение двух способов организации политического порядка, проведенное Аристотелем: *монархия ойкоса* и *полиархия полиса*. *Абсолютным центром* пространства ойкоса («домашнего хозяйства») становится его хозяин; пространство ойкоса иерархично, его *места* имеют разное достоинство, определяемое положением относительно центра; *смысл* каждого места задан хозяином, так же, как *функция*

каждой вещи, ему принадлежащей. Хозяин ойкоса еще не суверен действительно, но понятие суверена уже реально, т. е. детерминировано; действительно сувереном является монарх как хозяин своего государства. Полис же является объединением многих для благой жизни («βίος», в отличие от «ζωή»); но целое не только «больше», но и в сущностном отношении «раньше» своих «частей»; «благая жизнь» (платоново «благо») есть идея, раскрывающая возможность для объединения «многих» в единство полиса. В греческом языке слово «ἀρχή» обозначает начало в значении «изначальности» (т. е. «самостояния»); если в монархии граница разделяет два царства, принадлежащие двум хозяевам, то в полисе граница между объединившимися «началами» является неустранимой, но снимается лишь в отношении к высшему началу – к идее «блага» и «благой жизни». Непривычно, что «экономическая парадигма политического» тесно связана именно с монархией; напротив, «понятие политического», генетически неотделимое от полиархии («полиса»), всегда удерживает границу как конститутив политического порядка.

В средневековой, по существу христианской, политической мысли удерживается различие, проведенное Аристотелем; но разработка этого различия подготавливает появление и постепенное распространение господства экономической парадигмы политического в ее современной, либеральной версии (здесь наибольшее значение, кажется, имеет «стоицистская прививка» к западно-христианской политической мысли, важная до такой степени, что Ф.Р. Анкерсмит, например, говорит о господстве «стоицистско-фундаменталистской традиции» [8] в западной политической мысли и необходимости «отказа» от нее для «спасения демократии»; а наиболее последовательное и принципиальное представление политического в экономической парадигме у Дж. Ролза [9] интерпретируется иногда как «синтез» стоицизма и кантианства).

История «экономической парадигмы политического» в средние века написана Дж. Агамбеном; нам важно знать, что граница еще присутствует и имеет политическое «измерение».

Во-первых, она удерживается как разделенность auctoritas и potestas в различении двух тел короля (Канторович [10]), одному из которых, «божественному», подобают слава и покой, другому, «человеческому», – деятельность, т. е. управление. Данное различие более или менее последовательно проводится через все пространство политического порядка: уже в XIII веке «принадлежащее короне» отграничивается от принадлежащего лично королю. Во-вторых, концепция «двух мечей», различие духовной и светской власти и различные способы сведения их к единству в порядке христианского мира. Секуляризация положила конец этим способам представлять границу: монотонное, гомогенное политическое пространство – нестрога без существенных различий, мультикультурализм как обязанность, обеспечивающая единственность гражданской лояльности в отношении единственного «разумного порядка» поверх всех «национальных, религиозных, культурных» и каких бы то ни было еще «особенностей».

Мы можем ограничиться лишь этим указанием на смысл границы в представлении политического в средневековой мысли; для раскрытия предмета нашего исследования важна их последующая интерпретация в новоевропейской философии. Сотворенный Богом порядок (может быть, как «наилучший из миров» – Лейбниц) исключает чудо, т. е. непосредственное божественное вмешательство в его «функционирование»; данный порядок управляется «земной иерархией» («отражением небесной иерархии») таким образом, что и сам порядок существенно гомогенный, и иерархия – непрерывна, и управление есть техническая задача (Агамбен демонстрирует, что Мальбранш, и окказионализм, и Лейбниц, и «предустановленная гармония» по существу мало расходятся в понимании действительности функционирования этого порядка); Гегель [11, с. 189] даже утверждает, что чудо было бы насильем над «моей свободой» и есть именно разрушение «божественного порядка». Управление политическим порядком в таком случае не отличается, по замечанию М. Вебера [12],

от управления предприятием; *бюрократия* и есть «земная иерархия», достигшая «своей собственной» «окончательной» формы.

Но «чудо», как справедливо утверждает К. Шмитт, и *есть* то, что он называет *суверенным решением*; как следствие оно *абсолютно исключено* из политического порядка, представленного в экономической парадигме: «метафизические политические понятия» есть, по Шмитту, «калька» с теологических, т. е. относятся к области *политической теологии*. Таким образом, произведенная в XVIII веке *секуляризация* затронула представление политического порядка лишь в одном отношении: «исключение бога» (или, по Х. Арндт, «абсолюта» [13]) было подготовлено и центром политического порядка теперь стало не «место суверена» (как «викария» бога), но «пустое место» (в этом согласны различающиеся во всем остальном Дж. Агамбен [14] и Ф.Р. Анкерсмит [8]); вместе с упразднением «места суверена» упраздненной оказалась и граница, разделявшая «два тела короля», т. е. последняя возможность *политической границы* (остались только те, которые просматриваются в перспективе *эсхатологии*: «добро и зло», «мир» и то, что за его пределами).

Единственная *граница* подобного порядка представляется как *фронтир* [13; 15], или как отделяющая «абсолютно другое»: в первоначальном смысле, как «этот мир» от «того, что будет после»; в *политическом значении* – как отделяющая «абсолютного Другого», который *не признается* и которого *действительно нет*: «абсолютный враг». Содержание представления об «абсолютном враге» разрабатывается в *колее* кантовской политической философии: гомогенность политического порядка обеспечивается *тождественностью* индивидов как *разумных*; различия – в степени разумности (может быть, в силу «возраста», как в работе Канта «Что такое просвещение» [16]); в направленности воли (возможность «абсолютного зла», допускаемая им из свободы субъекта как «самоопределение к злу»), и в этом случае речь идет о *преступниках*; наконец, в несущественных в отношении к «универсаль-

ной разумности» («акцидентальных») *особенностях* («культурные черты»), обусловленных исторически или социально, которые либо «не противоречат» (Д. Лал [17]: деление на универсальные «материальные ценности», единые для всего человечества, именно как *определенные разумом*, и «космологические ценности», которые *случайны* и *терпимы* до тех пор, пока «не противоречат разуму» и установленному *разумному политическому порядку*), либо «преодолеваются», – либо, квалифицированные как «фундаментализм», должны быть *искоренены* (желательно избежать истребления их «носителей», конечно, если они не являются преступниками в определенном выше смысле). Мы прерываемся в изложении этого сюжета и вернемся к нему чуть далее; сейчас перед нами стоит вопрос о том, как К. Шмитт обосновывает *необходимость чуда* в своей политической теологии, т. е. необходимость *суверенного решения* для существования политического порядка.

Результаты и их обсуждение

Интерпретируя шмиттовское понятие суверенного решения [18], Дж. Агамбен несколько раз подчеркивает, что его автор – католик; поэтому небезосновательным будет *предположение*, что «вера в чудо» объясняется его *религиозными убеждениями* (или *привычкой*, оставшейся даже в том случае, когда вера уже не оказывает *непосредственного* воздействия на ход рассуждения в *политической теологии*). В любом случае суверенное решение необходимо для существования политического порядка: для его *единства* (различение «друга – врага» и *исключение* последнего из политического порядка: Шмитт ссылается на «древнюю практику» *изгнания*, например); для его *восстановления* (решение о чрезвычайном положении, *ограничении* области аномии и диктаторских полномочий суверена, или *комиссара* – немецкий юрист различает суверенную и комиссарскую диктатуру – для восстановления правовой формы политического порядка); для его *существования* (*воля*, т. е. *решение*, *опосредующая* реальность и действительность для их *соединения*).

Своего рода *предпосылками* (или традицией) здесь можно считать учение Т. Гоббса (разбору которого Шмитт посвятил книгу «Левиафан...» [19]) об учреждении политического порядка и учение о «всеобщей воле» Руссо. Учреждение политического порядка есть, по Гоббсу, *обмен* свободы на безопасность: таким образом появляется *суверен* как центр политического порядка и *единая суверенная воля* как условие его единства; *полиархия* (свободная воля индивидов) снимается в *монархии* (единая и абсолютная суверенная воля) в перспективе *гарантии безопасности* как «условия возможности» «благой жизни». «Всеобщая воля» Руссо является также необходимым условием *свободного самоопределения* к благу (по крайней мере, к «избеганию зла»). Такое единство может быть «непосредственным» и «символическим»; в первом случае оно, по Шмитту, достигается посредством *аккламации*, во втором – через механизм политической репрезентации, которая всегда, тем не менее есть *олицетворение*. Здесь к Шмитту предъявляется множество претензий, основная из которых – утверждение им необходимости олицетворения единства народа и народной воли в фигуре *вождей*; не следует только игнорировать то, что, во-первых, значение данной претензии выявляется лишь *ретроспективно* (в то время, когда Шмитт писал о «вожде», его ход рассуждений *выглядел* вполне респектабельно и не вызывал ни особых теоретических, ни тем более *политических* возражений); во-вторых, это – не исключительно Шмитту присущий ход рассуждений: достаточно вспомнить другого классика политической мысли, высказавшего *почти* те же идеи *раньше* Шмитта: речь идет о работе В.И. Ленина «Детская “болезнь” левизны в коммунизме» [20] (когда-то почти хрестоматийное рассуждение о «вожде» – «партии» – «народе»). В любом случае поскольку *народ* всегда «в себе разделен» (например, [21; 13]) на «политический народ» и «чернь», *суверенитет народа* требует установления и постоянного возобновления *символического* единства, достижимого (в провозглашенной демократии

как единственной *легитимной* форме *народовластия*) только посредством *политической репрезентации* в суверенном государстве-нации.

Итак, в любом случае и в экономической парадигме политического, и в парадигме понятия политического *существование* политического порядка *предполагает единство* как условие своей возможности, и тем самым «вопрос о границе» является *основным* в политической онтологии: граница, повторим, отделяет «чужих» от «своих», разделяет различные политические порядки и *выделяет* области аномии *внутри* политического порядка. Главное различие между названными парадигмами состоит в *понимании начала*, центра: «пустое место» или суверен. Сам Шмитт еще в конце 20-х – начале 30-х годов XX века утверждал, что, будучи последовательным, либеральное государство не имеет средств для названных различий; прежде всего, поскольку «в мире, полностью морализованном и этизированном еще остались, быть может, только дискутирующие оппоненты» [3, с. 303], – *отсутствует само место* для решения, т. е. *политическое*, которое последовательно редуцируется к *морали*, затем исключается и тот, кто способен такое решение принять как *политическое*, вне моральных оценок.

Здесь мы должны вернуться к *представлению* политического порядка в экономической парадигме политического и выявить *очевидные* в горизонте данного представления *следствия*, т. е. *описать* режим, в котором подобный порядок *действительно* осуществим; порядок, где центром является *пустое место*, пространство которого универсально в смысле «безграничности», и в котором *техника управления* и *моральные оценки* заменили *политику* («*πόλις*» есть еще и «война» как форма взаимоотношений «разных» – М. Хайдеггер [22]), т. е. *глобальный порядок без границ*.

В конце 20-х годов XX века К. Шмитт точно определил сущность «либеральной метафизики»: бесконечная дискуссия, отказ от истины и нацеленность на «организацию истины» (этот термин, точно фиксирующий смысл, использован Ф.Р. Анкерсмитом, который полагал отказ

от истины *благодаря*, а не недостатком), т. е. бесконечный компромисс как *процесс* в горизонте *абсолютного* «пересекающегося консенсуса» (Дж. Ролз [9]) как *наличного* действительного, решение об учреждении которого *уже принято*, не подлежит *пересмотру* и гарантируется *властью институтов*. Из таким образом *наличной очевидности* объективно, т. е. научно, выводится ряд *следствий*:

Первое. Политический порядок, учрежденный вне «перспективы абсолюта» (Х. Арндт о порядке, возникшем в результате Американской революции [13]) и без суверена, *как таковой* полагается теперь и «абсолютным», и «нравственным»: «самозванство» есть один из необходимых «атрибутов» *пустого места*. Подобный порядок, по определению (иногда со ссылкой на Канта) *разумен*, и как таковой – он *единственный* и *универсальный*. Вне его *нет ничего* («раньше» был суверен), кроме того, что само поставило себя вне порядка – как самоопределение свободной воли к злу, или *отпало* и должно быть *возвращено* (например, процитируем: «ислам должен стать культурным», – провозгласил президент Франции Э. Макрон в 2020 году).

Второе. Политический порядок в экономической парадигме политического гомогенен: невозможно различить область аномии и область действия права; Агамбен утверждает, что аномия расширяется *безгранично*, становится единственной *действительностью* [14] – как *лагерь*. Ей можно противопоставить только «абсолютное насилие» (или «революционное насилие»: В. Беньямин [23], С. Жижек [24]), которое тоже «безграничное» и приведет «голую жизнь», ведущуюся «антиподом суверена» – *homo sacer*, к «блаженной жизни», в которой не останется ничего ни «правового», ни «политического», но только *игра* («политика как средство без цели») (например: [21]). Гомогенен этот порядок и в другом, уже названном нами отношении: *охваченные* им индивиды (с их *фактическими*, понятыми как случайные, различиями) должны быть не просто «политически равны» (либеральный принцип, которым гордятся его сторонники), но *отождествлены*, т. е. пред-

ставлены как *в принципе сводимые* к одному, общему для всех, *количественному*, делающему возможным *непосредственное сравнение*, основанию. Это основание есть *интерес*: индивид в либеральной метафизике представляется *через интересы*, согласованием которых занимается политика, понимаемая как управление и движение к компромиссу, т. е. человек воспринимается как *человеческий капитал* [25].

Третье. Такой политический порядок может быть только *глобальным*, в котором различия «внутреннего» и «внешнего» больше нет. Врага нельзя «исключить», т. е. вывести за границу политического порядка, его можно только *исправить* (воспитать) или *уничтожить*. Это не «признанный враг», с которым ведут *конвенциональную войну* (война, ограниченная правом войны и военным правом), целью которой является заключение мира на основе достигнутого *равновесия сил*. Теперь он *террорист* [26], против которого ведется «новая война» [27; 28] как *полицейская операция*, до полной «ликвидации» и без возможности мира: *перманентная война* как способ существования *глобального политического порядка*.

Философское истолкование данного обстоятельства принадлежит М. Хайдеггеру и известно под названием «*современность*» [29]: бесконечно длящийся «последний период нового времени», «эпоха нигилизма», неспособность *закончиться*, т. е. невозможность *последней границы* – смерти; эта тема находится вне предмета данного исследования.

Многими исследователями (в т. ч. *всеми либеральными*) Шмитт «квалифицируется» как «консервативный», или «правый» *революционер*: в «понятии политического» он пытается «реставрировать» то, чего уже нет и никогда не может быть. Это не может объяснить нарастание интереса к его работам в последние 30 лет, которое фиксирует, например, А. де Бенуа [30]; *наблюдается* увеличение количества опубликованных работ, посвященных «исследованию Шмитта», многообразии интерпретаций, основная цель которых – *нивелировать* и *нейтрализовать* те идеи, которые обеспечили

бесспорную достоверность его прогнозов относительно эволюции *представления политического* в либеральной версии экономической парадигмы; в упомянутой работе А. де Бенуа дается обзор основных таких опытов. Эти опыты «освоения творческого наследия Шмитта», интересные сами по себе, заслуживают специального внимания и исследования. Для нас Шмитт интересен сейчас в другом аспекте: как политический философ (теолог), *продемонстрировавший* необходимость *суверенного решения* как *полагающего границу* для *действительности* политического порядка.

Заключение

Итак, в связи с нашим «вопросом о границе» релевантным является следующее обстоятельство: непрерывно возобновляющиеся попытки в экономической парадигме политического «удержать границу», а значит и *возможность* политического порядка без деградации его в перманентную войну и абсолютный «революционный» хаос. При отсутствии для глобального порядка «внутреннего» и «внешнего» и признаваемой в целом *неспособности* восстановить данное различие (которое тоже можно представить как «инновацию» и «достижение»: как «расширение свободы»), парадоксальным образом его *необходимость* признается для «спасения демократии»; в указанном отношении Ф.Р. Анкерсмита заботит «организация пустого места», т. е. его *ограничения*, чтобы избежать того, что описывает Дж. Агамбен как действительность (лагерь как продукт биополитического производства жизни); У. Бек, «теоретик глобализации», в свою очередь, называет «первоочередной» задачу «ограничить экономическую монокаузальность», т. е. «тотальную логику капитала», посредством «*политизаций*».

Во-первых, Анкерсмит считает, что необходимо отказаться от «оставшегося пережитка»: европейской гелиотропической модели политического пространства, связанной с сувереном, который *решает*, и заменить ее (соответствующей «пустому месту») «японской моделью» «императора ребенка», который

«не решает», а о котором «заботятся». Таким образом, выстраивается порядок, обратный привычному европейскому; но именно он соответствует тем изменениям, которые произошли вследствие «исключения места суверена» и «суверенного решения». Это, разумеется, «миф» (не в смысле «выдумки», но как предельная форма совмещения *essentia* и *existentia*) и он, утверждает Анкерсмит, единственный путь спасения западного политического от «окончательного распада». Вопрос в том, кто выступит в роли «мифического героя» и заново *проведет границу* в отсутствие суверена.

Во-вторых, Шмитт указывал, что *в принципе* политическим может стать *все*, если будет «выделено», «публично представлено» и «признано»; он также утверждает, что для либеральной метафизики свойственно обратное: любое политическое может быть *редуцировано*, т. е. представлено как экономическое, этическое, по крайней мере до тех пор, пока не встал вопрос о существовании/уничтожении, но все дело в том, что в перспективе либеральной метафизики *так* вопрос поставить *некому* и *легальных способов* для этого нет. У. Бек пишет о необходимости политизации для «спасения социального», полагая, что некоторые интересы не могут быть рассчитаны в терминах «выгод» и «издержек» для *данного момента*, но только – *в конечном счете*; но «данный момент» это и есть «жизнь», «существование», за которыми следует признать *право*, и оградить от «растворения без остатка» в «интересах капитала». Он полагает, что «гражданское общество» способно справиться с данной задачей; так это или нет – другой вопрос, но *ограничение* тотальной логики капитала называется им *политической задачей*.

Итак, «вопрос о границе» является одним из основных в политической онто-теологии; свой *смысл* он приобретает в *парадигматическом единстве* метафизических понятий политической онто-теологии, представляющих политическое в единстве *реального* («что», *essentia*) и *действительного* (*existentia*); *граница* – конститутив политического порядка: проведение границы *полагает* политический порядок.

Список литературы

1. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
2. Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 60–92.
3. Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
4. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
5. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Изд-во Ин-та Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
6. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
7. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
8. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 432 с.
9. Rawls J. Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 1996. 525 p.
10. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 752 с.
11. Гегель Г.В.Ф. Дух христианства и его судьба // Гегель Г.В.Ф. Философия религии в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 101–194.
12. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 4. Господство. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 542 с.
13. Арндт Х. О революции. М.: Изд-во «Европа», 2011. 464 с.
14. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011. 148 с.
15. Мюнклер Г. Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США. М.: Кучково поле, 2015. 398 с.
16. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочин. в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29–37.
17. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Фонд Либеральная миссия: Нов. изд-во, 2010. 364 с.
18. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 216–229.
19. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
20. Ленин В.И. Детская «болезнь» левизны в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. сочин. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 1–104.
21. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.
22. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 1998. 302 с.
23. Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972–1989. Band 2.1. S. 179–203.
24. Жижек С. О насилии. М.: Изд-во «Европа», 2010. 184 с.
25. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4(38). С. 46–58. DOI: [10.34130/2233-1277-2020-4-46](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-4-46)
26. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // PolitBook. 2020. № 3. С. 80–97.
27. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 416 с.
28. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80. DOI: [10.25198/2077-7175-2020-4-70](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-4-70)
29. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 584 с.
30. де Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. М.: Торг. дом ИОИ, 2013. 189 с.

References

1. Schmitt K. *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*. Cologne, 1950. 308 p. (Russ. ed.: Shmitt K. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum Europaeum*. St. Petersburg, 2008. 670 p.).
2. Schmitt K. Rimskiy katolitsizm i politicheskaya forma [Roman Catholicism and Political Form]. Schmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg, 2016, pp. 60–92.
3. Schmitt K. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. Schmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg, 2016, pp. 280–408.
4. Schmitt K. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty]. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg, 2016, pp. 5–59.
5. Agamben G. *Il regno e la gloria. Per una genealogia teologica dell'economia e del governo*. Vicenza, 2007. 333 p. (Russ. ed.: Agamben Dzh. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya*. Moscow, 2018. 552 p.).
6. Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. New York, 2004. 426 p. (Russ. ed.: Khardt M., Negri A. *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epokhu imperii*. Moscow, 2006. 559 p.).
7. Schmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The Crisis of Parliamentary Democracy]. Schmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg, 2016, pp. 93–170.
8. Ankersmit F.R. *Aesthetic Politics: Political Philosophy Beyond Fact and Value*. Stanford, 1997. 415 p. (Russ. ed.: Ankersmit F.R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti*. Moscow, 2014. 432 p.).
9. Rawls J. *Political Liberalism*. New York, 1996. 525 p.
10. Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies. A Study in Mediaeval Political Theology*. Princeton, 1997. 568 p. (Russ. ed.: Kantorovich E.Kh. *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii*. Moscow, 2015. 752 p.).
11. Hegel G.W.F. Dukh khristianstva i ego sud'ba [The Spirit of Christianity and Its Fate]. Hegel G.W.F. *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. Vol. 1. Moscow, 1975, pp. 101–194.
12. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. T. 4. Gospodstvo* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Vol. 4. Domination]. Moscow, 2016. 542 p.
13. Arendt H. *On Revolution*. London, 1963. 343 p. (Russ. ed.: Arendt Kh. *O revolyutsii*. Moscow, 2011. 464 p.).
14. Agamben G. *Homo sacer: Stato di eccezione*. Turin, 2003. 120 p. (Russ. ed.: Agamben Dzh. *Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie*. Moscow, 2011. 148 p.).
15. Münkler H. *Imperien: Die Logik der Weltherrschaft: Vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*. Berlin, 2005. 331 p. (Russ. ed.: Myunkler G. *Imperii: Logika gospodstva nad mirom. Ot Drevnego Rima do SShA*. Moscow, 2015. 398 p.).
16. Kant I. Otvet na vopros: Chto takoe prosveshchenie? [Answering the Question: What Is Enlightenment?]. Kant I. *Sochineniya* [Works]. Vol. 8. Moscow, 1994, pp. 29–37.
17. Lal D. *In Praise of Empires: Globalization and Order*. New York, 2004. 270 p. (Russ. ed.: Lal D. *Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok*. Moscow, 2010. 364 p.).
18. Maltsev K.G., Maltseva A.V. More to the Interpretation of “K. Schmitt’s Decisionism”. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 216–229 (in Russ.).
19. Schmitt K. *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes: Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols*. Hamburg, 1938. 132 p. (Russ. ed.: Shmitt K. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa*. St. Petersburg, 2006. 300 p.).
20. Lenin V.I. Detskaya “bolezнь” levizny v kommunizme [“Left-Wing” Communism: An Infantile Disorder]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 41. Moscow, 1981, pp. 1–104.
21. Agamben G. *Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita*. Turin, 1995. 225 p. (Russ. ed.: Agamben Dzh. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'*. Moscow, 2011. 256 p.).
22. Heidegger M. *Einführung in die Metaphysik: Freiburger Vorlesung Sommersemester*. Frankfurt am Main, 1935 (Russ. ed.: Khaydegger M. *Vvedenie v metafiziku*. St. Petersburg, 1998. 302 p.).
23. Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt. Benjamin W. *Gesammelte Schriften*. Frankfurt am Main, 1972–1989. Vol. 2.1, pp. 179–203.

24. Žižek S. *Violence: Six Sideways Reflections*. London, 2008. 149 p. (Russ. ed.: Zhizhek S. *O nasilii*. Moscow, 2010. 184 p.).
25. Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V. Tsifrovizatsiya i "tsifrovoy fetishizm": predvideniya v bytiyno-istoricheskom myshlenii M. Khaydeggera [Digitalization and "Digital Fetishism": Foresight in the Historical Thinking of M. Heidegger]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2020, no. 4, pp. 46–58. DOI: [10.34130/2233-1277-2020-4-46](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2020-4-46)
26. Lomako L.L., Mal'tsev K.G. Diskurs "antiterroristicheskoy voyny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voyna [The Discourse of the "Anti-Terrorist War" and a Just, Total, War]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80–97.
27. Kaldor M. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Cambridge, 2012. 268 p. (Russ. ed.: Kaldor M. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu*. Moscow, 2015. 416 p.).
28. Lomako L.L., Maltsev K.G. A Few Comments on the "Novelty" of the "New War" Discourse: "Innovation" and Tradition. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2020, no. 4, pp. 70–80 (in Russ.). DOI: [10.25198/2077-7175-2020-4-70](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-4-70)
29. Heidegger M. *Überlegungen II–VI: (Schwarze Hefte 1931–1938)*. Frankfurt am Main, 2014. 536 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Razmyshleniya II–VI (Chernye tetradi 1931–1938)*. Moscow, 2016. 584 p.).
30. de Benoist A. *Carl Schmitt actuel: Guerre "juste", terrorisme, état d'urgence, "Nomos de la terre"*. Paris, 2007. 162 p. (Russ. ed.: de Benua A. *Karl Shmitt segodnya*. Moscow, 2013. 189 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V271

Konstantin G. Mal'tsev

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov;
ul. Kostyukova 46, Belgorod, 308012, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1398-6625> e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Mal'tseva

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov;
ul. Kostyukova 46, Belgorod, 308012, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7287-3113> e-mail: pavic69@mail.ru

Leonid L. Lomako

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov;
ul. Kostyukova 46, Belgorod, 308012, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9608-615X> e-mail: parmend@bk.ru

**THE BORDER OF THE POLITICAL SPACE: EXPERIENCE OF INTERPRETATION
IN THE HORIZON OF TWO PARADIGMS OF THE POLITICAL**

Relevance. The political order is the spatial order (K. Schmitt); globalization as a "destruction of space" and "removal of time" is a paradigmatic change in the representation of the border. The study of the ways of drawing the border in the two Western paradigms of the political becomes a politically urgent task. The **purpose** of this article is to demonstrate that in the paradigm of K. Schmitt's "concept of the political", the border is assumed to be a sovereign decision distinguishing between friend and enemy and establishing a zone of anomie by the sovereign's decision on a state of emergency. In the economic paradigm of the political (G. Agamben), the political is represented as homogeneous, universal and global, "the sovereign's place" is an "empty place", while the liberal principle of the rule of law means an absolute exclusion of a sovereign decision. **Objectives.** Firstly, it is necessary to clarify the context in which the border issue becomes meaningful; secondly, to study the conditions for the possibility of a "border decision" in the two Western paradigms of the political; and, thirdly, to clarify the consequences

of the essential impossibility of the border in the economic paradigm of the political. **Methodology.** A comparative analysis of the two paradigms of the political allows us to raise the question of the border as the main issue of political ontotheology in the horizon of Heidegger's interpretation of modernity as an "incapacity for death". **Results.** "The era of nihilism", the "empty space" as a "missing centre" of the political order (and an absent centre of Western political ontology (S. Žižek)) and as a zone of anomie should be presented as a metaphysical concept connecting the real and the actual. The study of ways of understanding "empty space" reveals the meaning of the border as a constitutive principle of the political order and allows us to determine the differences in the interpretation of the border in the two Western paradigms of the political. The article identifies the political consequences of these differences. **Conclusion.** Based on the analysis, the following conclusion is made: the "impossibility of the border" necessarily leads to the disintegration of the political order and anarchy of the "bare life" (G. Agamben): the reality of the camp and the utopia of the "good life" are unmediated, that is, formless in their facticity.

Keywords: border, sovereign decision, state of emergency, zone of anomie, "concept of the political", economic paradigm of the political, sovereign, "empty space", political order.

Поступила 28.10.2022
Принята 15.05.2023
Опубликована 26.06.2023

Received 28 October 2022
Accepted 15 May 2023
Published 26 June 2023

For citation: Mal'tsev K.G., Mal'tseva A.V., Lomako L.L. The Border of the Political Space: Experience of Interpretation in the Horizon of Two Paradigms of the Political. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 138–148. DOI: 10.37482/2687-1505-V271